View the original article

РЕГИОНЫ

"У меня шансов это пережить практически нет". Марию Бонцлер осудили за госизмену

Светлана Прокопьева

12 ноября 2026

Адвокат Мария Бонцлер

Калининградский областной суд приговорил 66-летнюю адвоката Марию Бонцлер к 12 годам лишения свободы по обвинению в госизмене. Обвинение просило 15 лет. Бонцлер вину не признала.

"Осуждение невинного человека – это страшное преступление. Поэтому я буду молиться за своих палачей, чтобы Господь был к ним милостив", – сказала Мария Бонцлер после вынесения приговора.

Суд сначала закрыл процесс для публики, а ближе к концу вывел из него всех трех адвокатов, которых выбрала для защиты сама Бонцлер. Ей предоставили адвоката по назначению, сотрудничать с которым Бонцлер отказалась.

Затем из заседаний была удалена и сама подсудимая. Исследовать доказательства остались судья Александр Марочкин, прокурор и назначенная судом защитница, от которой Мария Бонцлер отказывалась.

"Отныне все заседания будут проходить в знаменитом формате сталинских “троек”: судья, его секретарь и прокурор", – писал калининградский журналист Константин Рожков 28 сентября.

"Жестокая и грубая расправа над адвокатом"

Незадолго до предполагаемого завершения процесса Бонцлер собиралась отказаться от последнего слова. "На суде в мое отсутствие получается анекдотическая ситуация – меня судят без меня и без моих защитников", – написала она из СИЗО. Однако она все-таки выступила на суде с последним словом, в котором подробно разобрала обвинение и ход процесса.

"Моё административное и уголовное преследование обусловлено моей профессиональной правозащитной и адвокатской деятельностью, оказанию квалифицированной юридической помощи инакомыслящим, оппозиционерам и т.д., то есть, политической расправой со мной, местью за правозащитную деятельность, ведение адвокатской защиты лиц, преследуемых государством за их политические взгляды. А, кроме того, личными мотивами мести от УФСБ Калининграда за эту мою названную деятельность, такой некой "служебной мести", в частности за мои речи в судах по уголовным делам, где я была защитником, – сказала Бонцлер. – "Судебный процесс" надо мной является жестокой и грубой (непрофессиональной) расправой над адвокатом, защищающим людей вне зависимости от наклеенных на них государством ярлыков. В ходе своей адвокатской деятельности я активно разоблачала пытки и жестокое обращение с моими подзащитными, подлог и многочисленные фальсификации доказательств, применяемые сотрудниками УФСБ, и в итоге сама столкнулась с этим злом. Все это обращение и сами уголовные дела возникли по политическим мотивам, в сговоре со следствием, прокуратурой и судом".

Мария Бонцлер, адвокат, Калининград

Бонцлер занималась правозащитой в Калининграде еще до того, как получила адвокатский статус. Она создала региональный Комитет солдатских матерей, расследовала обстоятельства гибели военнослужащих, защищала участников протестов и обвиняемых по политическим делам. В 2013 году стала лауреатом премии Московской Хельсинкской группы за защиту прав человека в суде. Среди ее подзащитных – Игорь Барышников, осужденный в 2023 году на семь с половиной лет колонии за публикации о российской армии.

В 2022 году Бонцлер сама получила два штрафа за "дискредитацию армии" после того, как защищала участниц антивоенных акций: судьям не понравилось, что в судебных заседаниях она называла войну войной. Тогда она рассказывала Север.Реалии, почему не намерена уезжать из России.

"Я уезжать никуда не собираюсь. Кто-то же должен защищать ребят", – говорила Бонцлер. Тогда же она признавалась: собственный процесс помог ей еще лучше понять, как нужен обвиняемому адвокат.

– Она прямо так и говорила: я не могу уехать. У неё были дела, подзащитные. Не могла их бросить, – рассказывает **Павел,** участник группы поддержки Бонцлер (*мы не называем фамилии собеседников из соображений безопасности*) . – До самого ареста она продолжала работать по таким "неъорошим" делам, которыми другие адвокаты заниматься опасались: политических защищала, украинцев защищала. Таких, как Мария Владимировна, хотят, чтобы не было. Чтобы были только адвокаты по назначению, которые будут молча судьям кивать.

"Вы поверьте нам на слово"

28 мая 2025 года оперативники обыскали Бонцлер, а также калининградских адвокатов Романа Морозова и Екатерину Селизарову, которые участвовали в защите Игоря Барышникова. Бонцлер задержали и отправили в СИЗО. Морозов по этому уголовному делу не стал ни подозреваемым, ни свидетелем и до сих пор оспаривает законность проведенного у него обыска. Позже он вошел в команду защиты Бонцлер.

Первоначально Бонцлер обвинили по статье 275.1 УК – в конфиденциальном сотрудничестве с иностранным государством или организацией. Детали обвинения засекречены. "Новая газета" пишет, что по просьбе одного из подзащитных Бонцлер вступила в переписку с человеком, которого следствие считает сотрудником СБУ. Следствие утверждает, что адвокат передавала своему респонденту сведения о сотрудниках силовых структур и уголовных делах. В марте 2026 года обвинение переквалифицировали на государственную измену по статье 275 УК – с наказанием вплоть до пожизненного заключения.

Бонцлер считает эти утверждения преследованием за ее профессиональную работу. В обращении к калининградскому адвокатскому сообществу от 11 августа она писала:

"Меня произвольно преследуют за законную адвокатскую деятельность, инкриминируя мне то, что я якобы передала сведения по уголовным делам, которые до этого оглашены в открытых судебных заседаниях, и якобы хотела передать ФИО сотрудников УФСБ".

– Вообще-то, адвокат по самой природе работы может общаться не только с подзащитным, но и с его близкими, в том числе за рубежом. Если подзащитный сам говорит: свяжитесь с моим братом, с сестрой, с тетей, с дядей, расскажите им про меня все. Расскажите, что меня тут убьют, заставляют признавать вину. Адвокат обязан общаться с родственниками своих клиентов – ну, может, и не обязан, но по-человечески это правильно, – говорит Павел.

– Государственная измена – преступление против безопасности государства, – объясняет калининградский юрист **Андрей**, знакомый с делом Бонцлер – Вы докажите сначала, что вообще была государственная измена, что безопасности государства могло стать хуже. Вот этого никто так и не предъявил. Потому что это выдумка, это фантазия.

В июле 2026 года дело начал рассматривать Калининградский областной суд. Судья Александр Марочкин закрыл заседания, сославшись на наличие

государственной тайны. Защитники Бонцлер стали оспаривать законность засекречивания материалов и требовали сначала разобраться, что именно можно считать государственной тайной.

– Суд говорит защите: мы вам покажем документы, но только после этого вы будете ограничены. А защита говорит: если засекречивание само по себе незаконно, почему защита должна идти на поводу у следователя? – объясняет Андрей. – То есть, возражения адвокатов не означали отказа от ознакомления с делом, а касались признания законным самого грифа секретности и связанных с ним ограничений. Уголовный процесс изначально у нас предусмотрен открытый, публичный и доступный для публики. Когда человек совершил преступление в виде убийства, предъявляют ведь труп, говорят: вот. А тут почему-то говорят: он куда-то отправил секретные сведения, но никто вам не покажет какие именно. "Вы поверьте нам на слово", как говорится.

13 июля на предварительном слушании суд отказался рассматривать ходатайства защиты о недопустимости засекреченных доказательств. А 27 июля по ходатайству гособвинителя суд отвел адвоката Илью Сидорова: он, согласно формулировке отвода, фактически отказался получать допуск к гостайне и потому не может защищать Бонцлер. Позднее отвели Александра Чаузова, а 2 сентября – последнего из защитников по соглашению Романа Морозова.

Бонцлер требовала оставить выбранных адвокатов и отказывалась от защитника по назначению. В письме коллегам она настаивала, что отсутствие допуска к гостайне не названо в статье 72 УПК среди оснований для отвода адвоката.

"Заявляю об отказе от услуг любых защитников по назначению, так как мою защиту в данном уголовном деле осуществляют защитники по соглашению, адвокаты: Сидоров И.Л., Чаузов А.В. и Морозов Р.В.", – писала она.

Но суд назначил другую защитницу – Анастасию Рихтер. И дальше, по мнению Андрея, произошло именно то, с чем адвокаты Бонцлер боролись: обвинение получило возможность двигаться по делу без постоянных возражений и требований проверить основания секретности.

– Когда они выбили всех настоящих адвокатов, появилась девушка по назначению. Я потом уточнял у сына Марии Вячеслава [Медкова], откуда она взялась. А ему рассказали, что в общем адвокатском чате появилось сообщение: "Кто может завтра подойти в областной суд?" Ни номера дела, ни фамилии, ничего. Вот таким образом человека туда заманили, – передаёт слова Вячеслава его знакомый **Игорь**. – Она и Славе потом звонила, говорит: "Придите, расскажите про маму". Он говорит: "А что рассказать? Что она хорошая мама или нехорошая? Кому это вообще нужно?"

Он просто не пошёл, потому что побоялся сорваться. Говорит: "Я этих людей видеть не хочу. Боюсь, что скажу что-нибудь не то и потом буду там же, где мама сейчас". А он себе этого позволить не может, потому что ему надо мамой заниматься.

– Им охота быстро, чтобы все было. Дело поступило, быстро написали, огласили – в тюрьму, все, сидит человек, следующего подавай. Они на конвейер это все выводят. А у них не получается, потому что есть такие адвокаты, как Мария Владимировна, например, – говорит Андрей. – Вот они и стараются с ними расправиться, в том числе чтобы они не мешали им упрощать это все. В закрытом заседании судья допустит кучу всего, аудиопротокол уже не надо вести, никто не проверит, все ли ты сказал.

"Открытость судебных заседаний является одним из средств поддержание доверия общества к суду. Проводя разбирательство уголовного дела в закрытых судебных заседаниях, при отсутствии к тому оснований, предусмотренных законом, что, собственно, и произошло в моём случае, суд нарушает принципы гласности судопроизводства. Что должно повлечь за собой обязательно отмену судебных решений", - писала из СИЗО сама Бонцлер.

"В неволе всё не впрок"

В калининградском СИЗО-1 у Бонцлер обострились проблемы со здоровьем. Ее представители сообщали о тяжелой гипертонии, скачках давления, нарушениях работы сердца и необходимости врачебной помощи. Во время заседаний ей неоднократно вызывали скорую. В октябре стало известно, что врач не осматривал ее больше месяца. Бонцлер подала отдельные жалобы и иски, связанные с условиями содержания, конвоирования и лечением. Ее представители продолжают участвовать в этих процессах независимо от отвода в деле о госизмене.

Лекарства в СИЗО передает в сын Марии Владимировны.

– Слава говорит, что старается передавать маме лекарства сразу на два месяца, чтобы был запас. Потому что каждая передача – с боем. То что-то не хотят принимать, то требуют ещё какие-нибудь бумаги. У неё уже 12–13 препаратов, которые нужно принимать постоянно, и список всё растёт, – рассказывает Игорь. – Он говорит: "Лекарства лечат, но другое калечат. А если нет нормального медицинского обследования, какой в этом смысл?" Вячеслав рассказывал, что месяца два назад Марию Владимировну возили на обследование в гражданскую больницу. И там опять признали здоровой. "Можно в марафон бежать!" Они столько добивались этого обследования, а толку никакого. Он говорит, что врачи потом маме на ушко шепнули: "Мы ничего не можем сделать".

Врачи, хотя и не выдают заключения о невозможности содержания в СИЗО, назначают ей всё новые и новые лекарства. Эти препараты позволяют как-то выжить, но не вылечиться, говорят близкие Бонцлер.

– Когда у нее давление, представьте: человек только-только чего-то шевелился, а тут бах – и застыл. И думаешь: вызывать скорую, что делать? А судья там тарабанил, как тарабанит. Адвокаты практически сидели и вторым глазом смотрели на нее: если что-то случается, хотя бы сразу судью останавливать, принимать меры, – рассказывает Андрей.

В письме из СИЗО Мария Бонцлер пишет: "Давление и сахар в крови с трудом держу под контролем – пока принимаю огромное количество лекарств. Если это прервётся – пусть и ненадолго тут мне конец. Особенно угнетает диабетическая полинейропатия – такой частое осложнение. Лечение мне назначили, но, к сожалению, некоторые процессы уже необратимы – погибли некоторые нервные волокна. У меня всё время немеют и мёрзнут ноги, и немного руки. Сейчас в СИЗО холодно и я практически не могу спать – замерзаю. Но сегодня вроде бы дали отопление – батареи теплые. Но мы это уже проходили, как только станут горячими – начнут жрать кислород и я стану задыхаться. Так что в неволе всё не впрок".

СМОТРИ ТАКЖЕ

Адвокат Марии Бонцлер заявил, что она едва не умерла в СИЗО

Бонцлер – вегетарианка, поэтому тюремную еду практически не ест. Продукты ей передает сын, но вес передач ограничен 30 килограммами в месяц.

– Слава говорит, что все, что ест мама, – это в основном то, что он приносит. А если не хватает, она покупает продукты в магазине СИЗО. Там цены сумасшедшие, раза в три выше обычных. Зато покупки в тюремном магазине не входят в лимит передач. Так и выкручиваются, – рассказывает Игорь.

При этом Бонцлер уже закончила книгу о своей поездке в Индию, связанной с религиозными поисками, и написала сказку, которую семья пока не решается публиковать: адвокаты опасаются, что за неё могут завести ещё одно уголовное дело.

– А сама Мария Владимировна, говорит Слава, даже радуется, что оказалась внутри системы. Она ему сказала: "Они глупые люди, они меня пустили туда, куда не надо было пускать, потому что я, кроме того что адвокат, ещё и писатель. А вы меня упустили вообще в самое сердце".

"Я пою и вижу, как демонов корежит"

17 сентября судья Марочкин вынес постановление об удалении Бонцлер из зала до стадии прений. Причем, она сама добивалась этого решения. Первоначально судья отказался удовлетворить такое ходатайство, заявив, что Бонцлер не нарушает порядок. Тогда она стала громко читать молитвы и стучать по решетке.

– Слава рассказывал, что мама взяла ботинок и стала отстукивать им ритм по решетке, петь какую-то религиозную песню. И так полтора часа! Потом судья все-таки удалил ее из зала. С формулировкой, как запомнил Слава, что она "издает непонятные звуки". А Мария Владимировна ему потом рассказывала: "Я пою и вижу прямо, как демонов корежит, корежит демонов!" – пересказывает Игорь.

По словам ее представителей, Бонцлер считала поездки из СИЗО на суд физически невыносимыми и не видела смысла присутствовать на заседаниях без тех адвокатов, которым доверяла.

– Она сама говорила: какого смысла ехать? Любая поездка – это у нее как пытка, – передает Андрей. – С семи утра людей спускают, они ждут огромное время, иногда битком все ездят. А когда она не ездит, она отлеживается, практически постоянно лежит на кровати.

Вячеслав рассказывал Игорю, что мать забирали из СИЗО около восьми утра, а возвращали только к восьми вечера.

– Слава говорит: ее целый день возят, не поесть, не попить, в холоде сидеть. Она просто в обморок падает, отключается. Поэтому она столько и сделала, чтобы ее перестали таскать в суд. Для нее это вопрос здоровья, она просто не выдерживает этих поездок, – объясняет Игорь.

После удаления подсудимой суд продолжил исследовать доказательства без нее. Сторонние наблюдатели тоже не могли попасть на закрытые заседания, а иногда и в само здание суда, рассказывает Павел.

– Мы на процессах не присутствуем. Эта информация до нас доходит в виде писем и непонятного сарафанного радио. Я даже не могу вам объяснить, откуда

некоторые вещи узнаю. Даже в здание суда не пускают, чтобы, не дай бог, в коридоре просто ей кто-то рукой помашет, – говорит участник группы поддержки.

Даже сын Бонцлер, по словам Игоря, практически ничего не знает о том, что происходит на последних заседаниях.

– Слава говорит: "Абсолютный вакуум информации". Он даже не знает, какой срок запросил прокурор и когда будет приговор. Что-то узнает из писем матери, но они приходят с задержкой в три-семь дней. Его даже в здание суда не пускают. Он рассказывал, что, когда приходит в канцелярию за разрешением на свидание, за ним следят, куда он идет, не свернул ли куда-нибудь. А в сам зал попасть вообще невозможно, – рассказывает Игорь.

Больше всего, по словам сына, Мария Бонцлер сейчас боится не приговора, а отправки по этапу. За время заключения она успела хотя бы отчасти приспособиться к условиям СИЗО. Сейчас она находится в одиночной камере, потому что она единственная женщина в мужском следственном изоляторе.

– Слава говорит, мама даже привыкла к тому, что сидит одна. Но она очень боится, что после приговора ее куда-нибудь отправят из Калининграда. Она ему прямо сказала: "У меня шансов это пережить практически нет". Из-за здоровья, конечно. Она ведь даже поездки в суд еле выдерживала, а тут этап неизвестно куда, – рассказывает Игорь.

В письме, опубликованном 23 октября, Бонцлер сообщила, что не будет произносить последнее слово в закрытом процессе. Она потребовала предоставить ей возможность высказаться публично и публично огласить приговор.

"Не желаю обращаться к своим гонителям и палачам!" – написала Бонцлер.

Светлана Прокопьева

Псковский журналист, редактор и автор регионального сайта Радио Свобода Север.Реалии

Регионы | Общество.Север